

ПРОСТО ВЫЛИТАЯ

ИРИНА КАРТАШОВА

Родилась и выросла в Тулуне Ирнгутской области. Окончила факультет филологии и журналистики Ирнгутского государственного университета. Работала журналистом, редактором, пресс-секретарем. Живет в Москве. Пишет повести и рассказы.

Двадцатый век, на исходе

Саша просыпается рано. Включает радио и начинает разговаривать – с ним и с самой собой. «Зиминский, Куйтунский и Тулунский районы перевыполнили план по молоку», – бодро вещает диктор сквозь потрескивание старого приемника. Вот и хорошо, вот и славно, будем с молоком, значит.

Она сноровисто заправляет кровать. Матрасы серые и тощие от возраста, несколько штук один на другом, чтоб было помягче (не помогает), подушки тоже уже изрядно всхуднувшие, зато постельное белье чистое, накрахмаленное, похрустывает, любо-дорого поглядеть.

Растапливает печь. Газетная бумага, лучина, самые сухие и тонкие полешки – Господи благослови затопить поскорее. Печка старая и с норовом, к ней подход нужен, то тяги мало, то дымит во всю ивановскую. Сегодня день удачный – огонь разгорается быстро, вот уже плита начинает краснеть, можно печь лепешки. В избушке становится теплее, Саша сбрасывает одну из трех кофт, которые надела, встав с кровати. Домик маленький, утеплен плохо и за сибирскую весеннюю неласковую ночь успевает выстыть. Зато и нагревается быстро, вот и хорошо, вот и славно.

Пышные шапки гортензии в огромной жестяной банке из-под сельди приветливо переливаются сиренево-зелено-розовым.

– Тесно тебе, понимаю, тесно, моя красавица, – говорит ей Саша и ласково перебирает листочки. – Ну потерпи уж, как земля прогреется – пересажу тебя на грядку, вот там приволье будет.

И «красавица», кажется Саше, понимающе кивает.

Из-за двери слышится настойчивое царапанье. – Проходи-проходи, Феденька, – радуется Саша, с трудом открывая тугую дверь. – Угощу тебя сейчас, трудягу нашего, всю ночь не спал, работал.

В избушку проскальзывает широкомордый полосатый кот. Вид у него самый боевой – уши ровные, хвост укорочен в драке с соседским наглым псом. Кот набрасывается на миску, как на зазевавшуюся мышь, урчит от удовольствия.

Саша раскладывает намащенные горячие лепешки по двум мискам, где поменьше – себе, побольше – внукам, отнесет им, как встанут. А встанут они поздно – каникулы, спи-отдыхай. Да и правильно, когда еще поспать, как не в детстве.

Она выходит открыть ставни. Окна в доме напротив, где живет старший сын с семьей, еще не светятся. Байкал, старый пес, лениво вылезает

еще не пахло, а здесь – Матка боска! – начинали цвести яблони. Сашка застыла перед деревцом, на котором вот-вот развернутся розовые лепестки, и стояла, как в немом кино. Набрала брата, забыв, что в Сибири глубокая ночь. Сбивчиво тараторила в трубку, что она-де правду говорила, а мы смеялись, всегда смеялись...

Раздается звонок. Брат, легок на помине. Сашка улыбается – она всегда рада его редким звонкам.

– Привет, Москва! – Леша, по обыкновению, настроен бодро. – Как жизнь? Слышь, гараж разбирали, нашел там бабы Шуры чемоданчик. Фотографию она тебе отправить, видать, хотела и не успела. Посмотри, я ее сфотал с обеих сторон, прислал тебе.

Сашка открывает мессенджер. На фото – баба Шура среди своих любимых георгинов. К концу жизни она похудела и как будто стала выше ростом. Лицо, обтянутое кожей, кажется узким, глаза – огромными. А на второй картинке – обратная сторона бумажной фотографии, где все еще аккуратным почерком первой ученицы выведено: «Любимой внучке Сашеньке на долгую добрую память».

Она плачет, уткнувшись лбом в холодное стекло. Подбородок щекочит перья зеленого лука и листики петрушки: на подоконнике у нее теперь всегда ящик с зеленью. Чтоб глаз радовался. Идет в кухню, кладет телефон на стол перед дочкой-первоклассницей.

– Это моя бабушка, – говорит она. – Шурка, как ты думаешь: я хоть немного на нее похожа?

Девочка сосредоточенно моргает круглыми глазками, вглядывается в фото, переводит взгляд на мать.

– Просто вылитая, – серьезно говорит она. И забавно морщит короткий нос-пуговку.

